

Н. Л. Виноградова

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Особое значение в познании социальных отношений имеют пространственно-временные понятия. “Пространство” и “время” суть фундаментальные онтологические категории, разработкой которых занимаются различные области знания. Социальное же пространство-время является в основном объектом исследования гуманитарных наук, и в последнее время становятся актуальными работы по социальной географии и топологии. Понятие “социальное пространство”, введенное еще на рубеже XIX—XX вв., достаточно быстро вошло в социально-философский дискурс, однако сам анализ социального пространства, в отличие от анализа социального времени, оставался на периферии научной мысли.

Субъекту присуще понимание социального пространства, во-первых, в единстве с категорией времени, как хронотопа, пространственно-временного континуума¹, во-вторых, как объемлющей и структурирующей человека и социум реальности. Социальное пространство приобретает статус философской категории лишь в последние десятилетия. Для Г. Зиммеля и П. Сорокина оно было, прежде всего, пространством физического рядоположения субъект-объектных отношений. Эта идея звучит у Г. Зиммеля в книге “Социология пространства” таким образом, что пространство всегда остается бездейственной в себе формой, в модификациях которой обнаруживают себя реальные энергии, но только так, как язык выражает мыслительные процессы, которые, конечно, выражаются в словах, но не посредством слов². Придать более широкую трактовку данной категории делает попытку М. Вебер, рассматривающий цивилизованную жизнь отдельного человека как включенную в бесконечный прогресс. Однако его обращение к теме пространства не получило активного продолжения, и для современной социально-философской традиции М. Вебер выступает классическим представителем “социологии времени”. То же следует сказать и о концепции пространства Э. Дюркгейма, актуализированной лишь в новейших исследованиях. Для раннего Т. Парсонса в качестве физического пространства, служащего базой для социального “аналитического” действия, выступает некое совокупное социальное пространство. Дальнейшие разработки им, как и некоторыми другими, по данной теме, практически не проводи-

лись, вероятно, в силу небольшой востребованности в социологической теории того периода. “Пространственные” представления и понятия можно усмотреть у Н. Лумана, Ю. Хабермаса и многих других. Речь идет скорее об имплицитном образе, проявляющемся в исследованиях. Вопрос, “где место” той или иной системы, элемента, человека и т. д., Луман воспринимал как некорректный³. Сходным образом трактуется социальное пространство у Т. Парсона: “Физическое время есть способ соотнесения событий в пространстве, время действия — способ связи средств, целей, и других элементов действия. ... Действие не пространственно, но временно”⁴.

Понятие “социальное пространство” является наиболее эффективным инструментом категориального синтеза, призванного обеспечить возможность включения в философский дискурс подходов, совокупность которых составляет целостность современной социальной теории. Интегративный смысл понятия “социальное пространство” обусловлен его совместимостью в системах категорий, описывающих теоретические системы “места-действия”, предложенных в рамках наиболее популярных направлений современной социально-философской мысли. Оно соотносится с категориальным рядом феноменологии через понятие “жизненные миры”, что позволяет адаптировать концептуальные построения Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, обращаться к анализу способов типологизации А. Шюцем⁵, а также к опыту этнометодологии, поскольку последняя опирается на феноменологическую традицию. Так же посредством категории “социальное пространство” обеспечивается интеграция социально-философских построений с различными интерпретациями структурализма и, в частности, с концепциями П. Бурдьё, который проанализировал особенности социального и физического пространства, и теориями М. Фуко относительно специфики конструирования “социального поля”.

Философия диалога, как никакая другая, на метафизическом уровне связана с теоретическими положениями современной теории “социального пространства” посредством “большого времени” и “далеких контекстов” М. Бахтина, через пространство “между” М. Бубера и “общую территорию” Б. Ванденфельса. Перечисление можно было бы продолжить, но представляется, что в данном контексте в этом нет необходимости. Главное состоит в том, что категория “социального пространства” имеет действительный онтологический смысл. Феномен социального пространства в большей степени может быть понят в корреляции внешнего (социального) и внутреннего (межличностного) отношения.

В современных социально-философских теориях наряду с понятиями “социальное пространство”, “социальное поле” используется понятие “жизненное пространство”. Термин “жизненное пространство” иногда используется как более широкий, объединяющий значения совокупности полей предметизации, лежащих между человеком как субъектом идеального действия и физической реальностью. Такое понимание оказывается органичным проблемному полю, формируемому в границах синтеза теоретических и практических подходов⁵. Данный подход мы считаем вполне оправданным в рамках конкретно-социологических построений, однако он не всегда оправдан при философском прочтении.

В ряде философских словарей 1994—2003 гг. понятия “социального пространства” нет. Однако можно увидеть, что часто используется понятие фазового пространства, которое есть совокупность всех возможных состояний физической системы, и последние рассматриваются как точки этого пространства. При этом пространство может быть не фазовым, а, например, социальным — в случае социальных исследований⁷. Приходится констатировать факт, что понятие “социального пространства” еще не получило широкого освещения и признания как самостоятельная и не редуцируемая к “пространству вообще” категория. Как считает В. Е. Кемеров, “формы социального пространства, обусловлены определенными системами человеческой деятельности...”⁸.

Если формы социального пространства задаются множеством факторов, то собственно социальность физического пространства задается человеком. Будучи единожды порожденным, социальное пространство начинает жить по своим законам и производить человека с вполне конкретными характеристиками пространственной предопределенности. Например, произведенное человеком пространство храма при обращении к нему или при вписывании в него человека создает у обратившегося вполне определенную социальную реакцию (не шуметь, снять головной убор, потупить взор и т. д.). Это пример трансформации физического пространства в социальное, но особенностью социального пространства является то, что оно может не иметь физического местоположения. Тот же храм может быть в сознании некоторой общности людей, и мысленное обращение к нему или укорененный уклад, традиция могут иметь тот же эффект — вхождения в социальное пространства храма. Например, мусульманская молитва читается в определенные часы, независимо от пространственного положения верующего. Другим примером может быть социальное пространство семьи, которое задается в одном случае физическим пространством дома,

квартиры, места обитания, но члены семьи могут быть на неопределенное время разбросаны по большой территории и физически разобщены. Тогда социальное пространство семьи организуется из неких социальных отношений, взаимосвязей и взаимозависимостей, генерируемых каждым в отдельности.

Иными словами, социальное пространство не может быть сведено к физическому пространству социума, оно детерминировано человеческой субъективностью. Бытие человека имеет пространственную структуру, которому присуще социальное измерение благодаря тому, что, во-первых, человеку предзадано фактом его рождения в обществе ощущать упорядочивающее действие социального пространства, т. е. положение человека в социальном пространстве предопределяет бытие человека; во-вторых, человек в силу вариативности и творческого характера своей субъективности создает пространственные отношения, тем самым структурируя социальное бытие.

Таким образом, как социальное пространство создает социальные отношения, так и социальные отношения создают социальное пространство. На основе этой диалектической метафоры в истории социально-философской мысли сформировались два направления относительно трактовки социального пространства.

В рамках социальной теории относительно пространства как структурирующего и определяющего начала концепция получила реализацию у Э. Гидденса. Структурная организация — непременное условие устойчивости процессов социальных взаимодействий. Общество создается в результате пространственно-временной структуризации этих взаимодействий. Как отмечает ученый, “в обстоятельствах взаимодействия — в столкновениях и эпизодах — рефлексивный мониторинг действия составляет основу включения действия в пространственно-временные отношения со-присутствия”⁹, которое может быть конкретизировано как регионализация, детализация-разбивка окружающей человека реальности, определяющая системы дистанций, форму нахождения индивидов в социальном пространстве-времени.

Концепция Э. Гидденса представляется синтетической, опирающейся как на феноменологическую, так и на структуралистскую традиции. Она интегрирует подходы, восходящие к субстратному пониманию социального пространства в традиции Э. Дюркгейма, и развиваемые инвайронментальной школой (Р. Маккензи, А. Холли, Р. Парк, У. Каттон), идущие от П. Сорокина, и, в известном смысле, от Т. Парсонса, направленные на трактовку соци-

Н. Л. Виноградова. Социальное пространство и социальное взаимодействие

ального пространства как поля связей между субъектами, элементами социального взаимодействия.

Наибольшую разработанность, в рамках структурализма, категория “социального пространства” получила в работах П. Бурдьё. Он пишет, что социальный мир можно изобразить в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом универсуме, т. е. свойств, способных придавать их владельцу силу и власть в этом универсуме. Отдельные субъекты и группы, таким образом, определяются по их относительным позициям в этом пространстве. Каждый из них размещен в позиции и в классы, определенные по отношению к соседним позициям, и нельзя реально занимать две противоположных области в пространстве, даже если это мысленно возможно¹⁰.

Говоря о позиции субъекта в пространстве, П. Бурдьё подчеркивает, что социальное и физическое пространства невозможно рассматривать в “чистом виде”: только как социальное или только как физическое. “.....Социальное деление, объективированное в физическом пространстве, функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура”¹¹. Социальное пространство поэтому не есть некая “теоретически оформленная пустота”, в которой обозначены координаты агентов, но воплотившаяся физически социальная классификация: агенты “занимают” определенное место, а дистанция между их позициями — это тоже не только социальное, но и физическое пространство.

Обращение социальной теории к анализу пространства оказывается необходимым в ситуации, определяемой П. Бурдьё, как колебания социальных наук между субъективизмом и объективизмом, или физикализмом и психологизмом. Первая традиция порождает дедуктивно строгие, верифицируемые, целостные теории, оказывающиеся, однако, неспособными давать значимые достоверные прогнозы социальных процессов, часто деградирующие к тавтологичности или опровергаемые практическим опытом. Вторая размывает грань между научным и интуитивным знанием. Чтобы преодолеть искусственную оппозицию структур и представлений, надо порвать с субстанционалистским способом мышления, применить к социальному миру реляционный способ: помыслить не субстанции, а связи, полагает П. Бурдьё, подчеркивая, что изменение терминологии здесь одновременно и условие, и результат разрыва с обыденным представлением.

В последние десятилетия, во многом благодаря воздействию

идей А. Шюца, в понимании социально-пространственных отношений получает распространение подход, основанный на феноменологической традиции. Большое внимание уделяется разрешению конфликта смыслов, чему способствует обращение к классическому постулату А. Шюца, определившего социальное пространство как реальность всей совокупности объектов и событий внутри социокультурного мира — опыта обыденного сознания людей, связанных с себе подобными отношениями интеракции; intersубъективный мир культурных объектов и социальных институтов. Обыденное сознание субъектов взаимодействия социализировано структурно-генетически¹². Такое синтетическое понимание, в определенной степени, дистанцируется от структурных и субстратных трактовок уже на понятийном уровне, используя термин “социальная реальность”. Вслед за П. Бергером и Т. Лукманом субъективная повседневная реальность становится главным наполнением социально-пространственных отношений для А. Турена, А. Лефевра, П. Ансара. Предметом изучения становится мозаичность поведенческих пространств, ролевые, вещно-бытовые пространства, их институциональная природа. С точки зрения П. Ансара социальное поле представляет собой систему позиций лиц¹³. В постмодернистском истолковании М. Фуко речь идет о “социальных полях”, проблематизация которых происходит через дискурс об условиях их существования, суть которого: условие существования структуры социального поля, условие его динамики и условие генезиса (каждое из условий предстает как одна из трех онтологий) вместе составляют онтологию “социального пространства”. С этим пониманием согласуется, составляя непротиворечивую картину, тезис Э. Гидденса о непрерывной структуриации социальной реальности.

Такое положение ставит под вопрос возможность рассмотрения “социального пространства” с точки зрения структурно-объективистских суждений, поскольку общество обретает пространственное измерение по мере становления человеческой личности. Законы освоения физического пространства до определенной степени определяют процессы конструирования социальных пространств. Мир человека на ранних стадиях социоантропогенеза представлял собою предметный мир, целостность которого дана взаимным положением и связями объектов, а не помыслена. Здесь могло бы иметь место объективное наблюдение, если бы субъект этого наблюдения мог действительно вычленять свойства и связи объектов. Однако и эта объективность условна, поскольку в той степени, в какой объект вообще может быть дан наблюдателю, он помыслен. Таким

образом, социальное пространство есть задающее условие социального взаимодействия субъектов.

Однако личность невозможно просто “включить” в пространство, “вписать” в социальное поле: личность есть действующий субъект, который своей творческой энергией актуализирует социальное пространство. Нами отстаивается понимание социального пространства не как топологического места бытия личности, а как поля напряженности, ее интегрирующего, и ею, в свою очередь, интегрируемого. Личность существует, пока она подвергается (и подвергает себя, и пространство вокруг) актуализации, которая есть не единовременное взаимодействие, дающее в результате некоторый прорыв в область всеобщего совместного со-бытия, диалог, или цепочка диалогов, но непрерывный процесс диалогического взаимодействия.

Представляется безынтересным взгляд В. Е. Кемерова, который считает, что в трактовке человеческого смысла социального пространства важно преодолеть ряд упрощений, связанных с общепhilософской традицией говорить о человеке так, чтобы он присутствовал в рассуждениях и вместе с тем не возникал со своими конкретно-индивидуальными чертами. “Необходимо подчеркнуть”, — пишет Кемеров, — “социальность пространства и времени может быть по-настоящему понята именно на уровне человеческого индивида. Не в привязке только пространства-времени к функционированию больших социальных систем, а в формах связи индивидов хронотоп раскрывает свое социальное значение и обнаруживает его как раз в наиболее непосредственных человеческих актах и взаимодействиях”¹⁴.

Можно сказать, человек с самого начала своего личностного развития оказывается втянут в метафизическое освоение реальности. Вступая в чисто физические, казалось бы, контакты с вещами, он вынужден осваивать человеческие способы взаимодействия с ними. Поведение малыша в непривычном пространстве как нельзя лучше демонстрирует влияние пространственной упорядоченности на социальные характеристики личности: оказавшись в детском саду, ребенок в кругу подобных кричит и бежит, оказавшись перед врачом или педагогом, ребенок замкнут и неразговорчив, и требуются некоторые усилия для налаживания диалогических отношений. В то же время, именно ребенок демонстрирует модель создания человеком социального пространства: на отведенном участке игровой комнаты может быть создано пространство совсем иного рода (относительно пространства квартиры), оно будет иметь свою структуру, систему социальных отношений и в ко-

нечном итоге уходить далеко за пределы комнаты, дома, города, иметь выход действительно во все многообразие социального мира.

Исходя из генезиса пространственного восприятия человека, перейдем к анализу формирования социального пространства взаимодействия человеком. Предположим, происходит встреча (диалог, коммуникация, общение). Степень спонтанности события значения не имеет. Между встретившимися возникает определенное взаимодействие. Так в процессе социального бытия приходит в соприкосновение мой внутренний мир и внутренний мир другого человека. Взаимодействие проходит в социальном пространстве, который Б. Ванденфельс назвал “общей территорией”. “Общая территория” призвана сохранить субъекта именно как субъекта, уберечь его от “поглощения” взаимодействующего с ним, уберечь его от объективизации. Ванденфельс приводит слова М. Мерло-Понти: “Как понять “Другого”, не пожертвовав его нашей логике, а ее ему?”¹⁵.

То, что с необходимостью возникает в социальном пространстве взаимодействия личностей в качестве надындивидуального общего, можно определить как некий “след” конкретной всеобщности, в котором взаимодействие укоренено и который есть реальность человеческой культуры.

В социальном пространстве, возникающем в результате межиндивидуального взаимодействия, проявляется сущность духовной деятельности всего человечества. Индивиды коммуницируют, вступают в диалог как носители социального, т. е. определенных ценностей, норм, правил, запретов и т. п. Даже признавая приоритет “чистого” диалога как первичного факта экзистенции человека, нельзя отвергать и факт несомненной детерминированности социального пространства индивидом.

По словам Т. Шибутани, “каждый социальный мир — это культурная область, границы которой определяются не территорией и не формальным членством в группе, а пределами эффективных коммуникаций”¹⁶. Попытаемся показать природу социального пространства, апеллируя преимущественно к межличностному уровню, не забывая при этом, что взаимодействие индивидов — это всего лишь наиболее простая модель всеобщего феномена совместного действия.

Как нельзя лучше характеризует статус социального пространства М. Бубер: “По ту сторону субъективного, по эту сторону объективного, на узкой кромке, где встречаются Я и Ты, лежит область “между”¹⁷.

В то же время нужно сказать, что область “между”, являясь

социальным пространством, существует, прежде всего, в качестве знака, указателя на нечто иное, на иную реальность. Более того, область “между” возникает из превосходящей реальности и репрезентирует ее своим существованием. Используем терминологию М. Бубера: исследуемая нами сфера указывает на реальность, существующую “по ту сторону”, имя которой — “объективное” и “субъективное”. Сфера “между” в качестве посредника существует в единстве проявлений субъективного (внутренние миры взаимодействующих) и объективного (мира, внешнего по отношению к процессу взаимодействия). Подчеркнем, что “внешний” мир по своему составу далеко не однороден. Прежде всего, это мир природных объектов, возникающих “до, вне и независимо” от человечества, мир, с которым индивид практически лишен соприкосновения в ежедневной жизни. В то же время это мир чувственных объектов, сотворенных и творимых человеком, мир, на который накладывается печать общественной деятельности и который поэтому несет в своей материальности элемент сознания людей. Кроме того, в состав внешнего мира входят нематериальные сущности, некий надындивидуальный “третий мир”, также созданный деятельностью и сознанием человека.

Непонимание или игнорирование характера окружающей нас материальности приводит к тому, что культурные формы, порожденные деятельностью и сознанием человечества на протяжении всей его истории, предстают в сознании людей как сущности, обязанные своим происхождением отнюдь не человеческой деятельности и сознанию. Давление над индивидуальным сознанием культурных образцов, выработанных обществом ранее, создает у индивида иллюзию несоциальной природы этих ему предстоящих культурных форм. Неидеалистическое видение мира, по всей вероятности, должно предполагать представление о социальном пространстве как о пространстве — репрезенте всей совокупности общественных отношений. Ведь не случайно так выделена открытость коммуникации в ситуации “перед лицом Третьего” в религиозном миропонимании.

Понятие “третьего”, как некой “понимающей” сферы, вводит и М. М. Бахтин. Третий, по его мнению, является гарантом сохранения и распространения “продуктов”, выработанных взаимодействующими индивидами. Например, Бахтин вводит понимание как конституитивный момент в любое социальное отношение. Реальный диалог — наиболее простой, наглядный вид социальных отношений. Но даже в элементарной житейской беседе неизменно присутствует некий “третий участник”. Бахтин утверждает: “Каж-

дый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога (партнерами)¹⁸.

Русский философ говорит о “третьем” не в буквальном, арифметическом смысле; участников диалога в социальном пространстве может быть неизмеримо больше. В то же время Бахтин отрицает какую бы то ни было мистическую или метафизическую природу “третьего”. “Третий” есть неотъемлемый участник диалога, хотя непосредственно в диалоге участия может не принимать. Диалогическая позиция “Третьего”, согласно Бахтину, носит совершенно особый характер. Это позиция понимающего диалог, причем в большинстве случаев понимающий как раз непосредственным участником диалога не является. Яркий тому пример — ученый, исследующий древние рукописи, тем самым создает социальное пространство межкультурного диалога.

Особое положение “третьего” обусловлено самой природой исследуемых Бахтиным диалогических отношений. Диалогу недостаточно ближайшего понимания. Близкие адресаты — вовсе не окончательная инстанция. Кроме непосредственного адресата, в расчете на отклик которого направлены слова автора, существует высший “наадресат”. “Автор” (“первый”) предполагает, по словам Бахтина, “справедливое ответное понимание” не только “второго”, непосредственного адресата, но и “третьего” — наадресата. Понимание “наадресата” предвосхищается как в “метафизической дали”, так и в “далеком историческом времени”, т. е. в “разных направлениях”. “В разные эпохи и при разном миропонимании этот наадресат и его идеально верное ответное понимание принимает разные конкретные идеологические выражения (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, суд истории, наука и т. п.)”¹⁹.

Диалог-взаимодействие, который не имеет смыслового конца, может быть для того или иного участника “физически оборван”. Однако, вводя категорию “третьего”, Бахтин подчеркивает непрерывность человеческой истории, преемственность культуры и неуничтожимость социального пространства, заключенного в общечеловеческих смыслах, — это одна из центральных идей Бахтина-философа. Обусловленное трансценденцией, выражающее ее как рациональными, так и нерациональными своими составляющими, социальное пространство взаимодействия существует вместе с тем в расчете на ответное привнесение собственного содержания в состав трансценденции. Например, стремление распространить выработанные в совместном действии определенные жизненные ориенти-

ры среди как можно большего числа людей. Но для этого необходима та сфера, которая примет, сохранит и передаст данное содержание. Итак, область, обозначенная нами термином “социальное пространство”, выступает своеобразным фоном во взаимодействии личностей. Хотелось бы особо подчеркнуть, что данное пространство не является вспомогательной конструкцией при исследовании социальных отношений, это в такой же степени реально существующая область, порожденная взаимодействием субъективных миров индивидов и приобретающая надындивидуальный характер.

Пространство, по сути, обеспечивает протекание повседневной жизни людей, их общение, уклад их непосредственного личностного бытия. По мысли М. М. Бахтина, пространство определяют диалогические отношения “далеких контекстов”, иначе говоря, некие общезначимые, укоренившиеся в социальном сознании системы символов-смыслов и близких контекстов, т. е. межличностная символистическая, смысловая составляющая отношений, — что в совокупности и составляет социальное пространство.

Способность к символистическому, а иначе можно предположить — социальному, взаимодействию возникает в процессе создания и развития общества. Можно сказать, что сознательное поведение индивида формируется в процессе освоения социального пространства, предполагающего манипулирование символами, которые представляют и самого субъекта, и различные аспекты его окружения.

По мнению Шибутани, пространство смыслов, которое человек создает вокруг себя, может быть определено следующим образом: “Каждый человек помещает самого себя как объект внутри своего символистического окружения”²⁰.

Все продукты духовной деятельности социума той или иной гранью могут быть представлены в социальном пространстве в виде знаний и представлений, и все они могут влиять на характер взаимных действий, формируя внутренний мир каждой из сторон и постоянно на него воздействуя. Однако смыслы лишь в том случае наполняют социальное пространство, входят в состав посредствующей сферы, когда они могут быть проинтерпретированы субъектами. “Знак”, несущий смысл, становится бесполезной вещью, если тот, кому он предназначен, не способен его понять. Общего социального пространства здесь попросту не возникает.

Для того, чтобы исследуемое нами пространство могло возникать, иметь влиятельное смысловое содержание, оно должно нести в себе определенные предпосылки собственного осуществления. Иными словами, должна быть обеспечена сама возможность соци-

ального взаимодействия. Определяющим фактором в обеспечении такой возможности является нормативно-ценностный контекст, в котором формируется как сам “текст”, посылаемый индивидом другим людям, так и способ передачи “текста”.

Нормы, определяющие социальное поведение индивидов, входят в социальное пространство в качестве смыслового содержания, регулируют отношения между людьми. Все социальные типы взаимодействия детерминированы подобной регуляцией. Разведчику, работающему во вражеской стране, необходимо не только детальное знание истории и особенностей быта, но и погружение в нормативно-ценностный контекст, который у людей, выросших в этой стране, формирует фундаментальные, практически не осознаваемые установки, позволяющие им в процессе социальных отношений идентифицировать “своих” и без труда видеть “чужих”.

Надо сказать, что социальное пространство возникает лишь при условии, что “личностные смыслы”, придаваемые индивидами “объективным значениям” (термины А. Н. Леонтьева), образуют в сфере взаимодействия смыслы межличностные, которые могут быть взаимно проинтерпретированы индивидами. Разумеется, основой для взаимопонимания служат общезначимые основания любых “личностных смыслов”. Но “личностный смысл”, помимо общезначимого основания, содержит и нестандартные интерпретации “объективных значений”, что и придает ему “личностность”.

В результате в социальном пространстве может возникнуть инновация, новый смысл, судьба которого полностью зависит от способности партнера по взаимодействию его понять, т. е. придать ему “межличностный статус”. По сути, содержанием пространства близких контекстов являются такого рода “межличностные смыслы”, укорененные в мире “субъективных значений”, имеющие социальную природу, что и делает возможным взаимодействие. Пространство смыслов в то же время выступает поставщиком новых смыслов, которые впоследствии могут занять свое место в общепринятой системе “объективных значений”.

Социальное пространство существует, будучи выраженным в определенных формах, одной из которых является текст или слово. Дж. Беркли указывал на однотипность процессов становления языка и пространственного восприятия. Слово выступает прежде всего как представитель и выразитель человеческой субъективности: в слове мысль обретает действительность. Слово — посредник между индивидами. Слово воспринимается одним взаимодействующим, и другой взаимодействующий индивид в

ответном же слове выражает свое Я. Бахтин отмечает надсубъективный характер слова. Он пишет: “Слово (вообще всякий знак) межиндивидуально. Все сказанное, выраженное находится вне души говорящего, не принадлежит только ему. Слово нельзя отдать одному говорящему. У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но свои права есть и у слушателя, свои права у тех, чьи голоса звучат в преднайденом автором слове (ведь ничьих слов нет)”²⁰.

Можно ли сказать, что именно в слове, выступающем в качестве посредника между субъектами социальных отношений, Бахтин видит искомое нами социальное пространство, возникающее в процессе взаимодействия? Тот факт, что русский философ настаивает на рассмотрении человеческих взаимоотношений сквозь призму выделенного нами “посредника”, очевиден. Слово для Бахтина есть высший знак социальности, знак сопричастности всех людей, живших в далеком прошлом, живущих в “малом времени” (современность, обозримое прошлое и будущее), и тех, кто будут жить во времени, бесконечно от нас отдаленном. “В каждом слове — голоса, иногда бесконечно далекие, почти безличные (голоса лексических оттенков, стилей и прочее), почти неуловимые, и голоса близко, одновременно звучащие”²².

Сущность социальности вообще предстает перед нами в смыслах, заключенных в словах; смыслах, природа которых состоит в требовании понимания, интерпретации. Не востребованность же смысла приводит к утрате самого смысла. С его исчезновением остается мертвая оболочка (будь то просто физическое тело, физическое пространство или другая доступная восприятию реальность), причем мертвой она остается до тех пор, пока обществом не будет заново открыт воплощенный в ней ранее смысл, либо не будут привнесены смыслы новые. Такую нужду в понимании Бахтин характеризует в терминах “услышанности” (слово “всегда хочет быть услышанным”) и “абсолютной неуслышанности”²³. “Абсолютная неуслышанность” и есть непонятость, которая, в конечном итоге, приводит к утрате смысла своего бытия.

Говоря о языке как посреднике в формировании социального пространства, мы подчеркивали его значимость для репродуцирования человеческого опыта. Слово выступает в качестве носителя различной информации, которой обмениваются индивиды, в слове воплощаются различные знания и представления общающихся об окружающем мире и других людях, фиксируются регулятивы.

Например, В. Франкл признает неоспоримый вклад, который внесли в философию М. Бубер и его последователи, представив

человеческое существование исключительно как совместное существование, как со-существование. Однако, определяя жизнь человеческого духа по сути своей как диалог между Я и Ты, Бубер и другие сторонники традиционного понимания “общения-встречи”, по мнению Франкла, упускают посредствующую область, своеобразный аспект межличностных отношений. Франкл отмечает: “Я бы сказал, что диалог без логоса, диалог, в котором отсутствует направленность на интенциональный рефрен, — это в действительности взаимный монолог, всего лишь взаимное самовыражение”²⁴.

Социальным пространством у Франкла является совокупность смыслов, или “логос”, как некий “интенциональный рефрен”. Франкл предельно расширяет традиционные представления об интенциональности, считая одним из основополагающих качеств человеческой реальности “самотрансценденцию”, которая определяет “...тот факт, что быть человеком по сути означает находиться в отношении к чему-то и быть направленным на что-то иное, нежели он сам”²⁵.

Однако, огромную роль в социальном взаимодействии играют внерациональные моменты. Хорошо известна фраза Л. Витгенштейна о том, что “язык не выражает того, что он выражает”. Эта мысль прозвучала и в экзистенциалистском рассмотрении бытия, выходящего за свои пределы, и в герменевтическом общечеловеческом “горизонте понимания” неявно, в виде потенции, содержащейся во всегда выражающем “нечто большее” языке. Можно сказать, что язык, выступающий в качестве посредника в формировании социального пространства, указывает на нечто невыразимое логическим путем, нечто, лежащее в основе совместного действия. Ограниченность логического проявляется уже в тот момент, когда рассматриваемый нами в качестве посредника язык выступает в широком семиотическом смысле как всякая знаковая система. Пространство смыслов наполняется не только рациональными составляющими, но и интуитивными постижениями, различными образными реалиями.

Таким образом, можно сказать, что социальное пространство не принадлежит к числу абсолютистских, независимых от условий иллюзорных очевидностей метафизики. Его структура обусловлена социальными отношениями²⁶. Это означает, что социальные взаимодействия определяют, с какой вероятностью социальные действия связаны друг с другом, каким образом они могут быть адекватно считаны другим субъектом социальных отношений.

Социальное пространство не может трактоваться как некое об-

щее понятие, как некий нейтральный фон, на котором происходят социальные взаимодействия. Пространство детерминировано социальной реальностью и зависит от того, что происходит в социальном мире, но в большей степени социальное пространство определено творческой энергией индивидов, находящихся во взаимодействии. Социальные отношения не просто существуют в некоем фиксированном пространстве, как в пассивной среде, они задают топологию пространства, т. е. структуру социального бытия. Мы считаем, что сущность социального пространства представлена характером социального взаимодействия. Оно продуцируется внутренними мирами взаимодействующих, являясь в то же время репрезентом социальной реальности, внешней по отношению к субъектам, существующей не только в отношении индивидов, но и как структурирующий посредник со-бытия. Оно объединяет само это отношение в непрерывный процесс диалогического взаимодействия, наполняя субъективными смыслами физическое пространство социального мира.

Социальное пространство, становящееся все более интегрированным на основе социальных взаимодействий субъектов, обретает свойства глобальности, что в практическом плане открывает широкие горизонты свободы и в то же время создает незримые, но вездесущие механизмы символистического навязывания смыслов. Социальное пространство — это и предопределение социальных ценностей, приоритетов, запросов для субъекта взаимодействия, и возможность каждого субъекта, посредством информационных технологий, заявить о себе, о своем существовании. В способности взаимодействовать в социальном пространстве субъект все более проявляет себя как его создатель, бесконечно увеличивающий мощь воздействия на социальность и на себя самого в качестве такого же субъекта со-бытия.

¹ Ярская В. Н. Философские очерки. Саратов, 1989. С. 122, 139.

² Зиммель Г. Избранное: В 2 т. М., 1996. С. 128.

³ Филиппов А. Ф. Социологические чтения. М., 1997. Вып. I. С. 23.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Шюц А. Американская социологическая мысль // Под ред. В. И. Добренкова. М., 1994. С. 485.

⁶ Бурдые П. Начала. М., 1994. С. 183.

⁷ Философский словарь // Под ред. И. Т. Фролова. М., 2001. С. 469.

⁸ Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. М., 1996. С. 98.

⁹ Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 42.

¹⁰ Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 56—57.

¹¹ Там же. С. 37.

- ¹² *Шюц А.* Указ. соч. С. 128.
- ¹³ *Ансар П.* Социологические исследования. 1996. № 1. С. 12—23.
- ¹⁴ *Кемеров В. Е.* Указ. соч. С. 100.
- ¹⁵ *Ванденфельс Б.* Логос. М., 1994. С. 86.
- ¹⁶ *Шибутани Т.* Социальная психология. М. 1969. С. 111.
- ¹⁷ *Бубер М.* Проблема Человека. М., 1989. С. 155.
- ¹⁸ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 323.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Шибутани Т.* Указ. соч. С. 182.
- ²¹ *Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 317.
- ²² Там же. С. 320.
- ²³ Там же. С. 319.
- ²⁴ *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 322.
- ²⁵ Там же. С. 322—323.
- ²⁶ *Качанов Ю. Л.* Начало социологии. М., 2000. С. 123.